

Император Чу восседал вместе с наложницей Жун на верхнем месте, а на первом ярусе нефритовых ступеней сидел князь Цзинчэн Сяо Шанли, среди прочих важных сановников, удостоившихся приглашения, был и Гао Э. В зале суетились дворцовые служанки и евнухи, роскошные танцы и огни далеко распространялись, отражаясь на глади пруда в ночи.

Внезапно раздался звук скользящих по полу туфель, и император Чу лениво откинулся назад, его брови резко нахмурились. Сяо Шанли сохранял спокойное выражение лица, танцы в зале словно замерли, и приблизился один из доверенных евнухов, чтобы доложить.

Император Чу усмехнулся, бросив взгляд на Сяо Шанли, и произнёс:

— Твой старший брат — взбунтовался! Восстание на востоке города, князь Цзинчэн, я приказываю тебе подавить мятежников до третьего часа ночи. Если он не знает, что такое жизнь и смерть, я позволю ему самому выбрать свою гибель!

Раз ты довёл до мятежа моего другого сына, то тебе и придётся уладить это дело. Все присутствующие на пиру сановники втайне размышляли, насколько неразумным оказался князь Шоушань, подняв мятеж без каких-либо предупреждений.

Сяо Шанли вышел из-за стола и поклонился:

— Ваш сын смиренно принимает приказ.

С этими словами он покинул зал, за ним следовали два ряда стражников. Его тень быстро промелькнула вдоль коридора, император Чу холодно наблюдал за его спиной, а затем внезапно приказал:

— Танцы, не останавливайтесь!

За пределами дворца царил строгий режим, факелы светились, как звезды, а блеск мечей напоминал снег. Стражи стояли начеку, свет от факелов падал сверху, и чем ближе к лагерю, тем больше становилось видно мелькающих огней и теней. Звуки флейт и свирелей не слышались, лишь изредка доносились шум и суета от поступающих донесений.

Внезапно ворвался стражник и доложил:

— Ваше высочество, князь Цзинчэн, из резиденции наследной принцессы Чжаохуай доставлен предмет для вашего личного рассмотрения.

Сяо Шанли находился среди нескольких командиров в доспехах, поверх праздничного наряда он накинул плащ. Как принц, он не мог показывать рану на лбу, чтобы не нарушать свой внешний вид, потому повязал ленту с золотой вышивкой, которая выглядела как украшение на лбу, и в свете факелов это придавало ему особую красоту.

Он знал, что Гу Хуань не стала бы заниматься пустяками в такое время, и приказал:

— Покажите.

Внутри ящика оказался доспех. В свете ламп видно было, что доспех был старым, покрытым чешуйками, с изображением свирепого зверя, чьи глаза и зубы сверкали, как будто только что отполированные, что заставило даже опытных вояк содрогнуться в летнюю ночь. Кто-то воскликнул:

— Это доспех императора У из династии Чжоу!

Император У династии Чжоу восстановил величие Чжоу, всю жизнь участвуя в сражениях и не зная поражений. Он носил этот доспех, когда обезглавил своих братьев, и в конечном итоге погиб в нём, отправившись в поход.

После этого доспех хранился во дворце, и многие из династии Чу носили его. Ходили слухи, что тот, кто наденет этот доспех без приказа императора, непременно погибнет. Лишь императорский приказ мог сдержать зловещую ауру, накопленную за сотни лет. Тот, кто носил его, либо погибал, либо восходил на трон по крови своих братьев.

Этот зловещий предмет был подарен императором Чу покойному наследному принцу, который однажды надел его на поле боя и впоследствии погиб.

Он был всего в шаге от трона, и что ему делать с этим зловещим доспехом? Сяо Шанли медленно провёл рукой по доспеху и произнёс:

— Все, пожалуйста, выйдите.

Командиры переглянулись, поклонились и удалились. Сяо Шанли вызвал слуг, чтобы они помогли ему переодеться.

После переодевания он приказал:

— Уйдите.

Служанки удалились, а за пределами шатра доложили, что частные войска князя Шоушаня попытались прорваться через ворота дворца, но потерпели неудачу, оставив за стенами более сотни трупов, и теперь они ворвались на восточный рынок. Сяо Шанли вышел и приказал:

— Приготовьте коня.

Облачённый в доспехи, он вышел к шатру, внезапно обернулся и, увидев пустой шатёр с трепещущими на ветру тенями от свечей, улыбнулся.

Дождь уже давно прекратился, на восточном рынке, богатом и процветающем, лавки стояли вплотную друг к другу, комендантский час не действовал, и люди сновали туда-сюда. Как только начался бунт, со всех сторон раздались крики и вопли, и даже до появления мечей

многие горожане уже были растоптаны и ранены.

Звук копыт напоминал раскаты грома, а солдаты в доспехах, словно чёрные тучи, сгущались вдали. На восточном рынке поднялась пыль, и один из передовых солдат доложил:

— Ваше высочество, остатки мятежников князя Шоушаня прорвались на восточный рынок, потушили фонари и подожгли его, а затем, убивая мирных жителей, переоделись в их одежду. Теперь на рынке невозможно отличить врагов от своих! Хотя я приказал окружить рынок войсками, если промедлить, главарь может смешаться с толпой и сбежать!

Сяо Шанли, сидя верхом на коне, наблюдал за огнями на восточном рынке. Среди всех этих могучих мужчин его рука, держащая поводья, не проявляла никакой воинственности, но он произнёс:

— Не будет промедления, господа. Его величество приказал завершить всё к третьему часу ночи. Если к тому времени не будет мёртв и опозорен преступник Сяо Шанчунь, то я вместе с вами совершу самоубийство.

Все генералы вздрогнули, и один из смелых произнёс:

— В таком случае, нам остаётся только штурмовать. Восемь человек в ряд, десять человек в ряд, с длинными копьями и крепкими щитами, чтобы прорваться внутрь! Только так мы сможем быстро закончить дело!

Но более осторожный человек возразил:

— Нет, если мы начнём штурм, мирные жители, не понимая ситуации, будут сопротивляться до последнего, и сегодняшней ночью на восточном рынке будет бесчисленное количество жертв!

Споры продолжались, на восточном рынке раздавались крики и плач. Разве тридцать лет процветания и богатства столицы должны были закончиться этой ночью реками крови и разрушением? Сяо Шанли произнёс:

— Я принял решение, я войду первым. Если не получится, мы отступим и обсудим дальше.

Ворота восточного рынка, сделанные из тридцати толстых деревянных столбов, были с силой открыты солдатами столицы, и толпа хлынула наружу.

Первые люди, выбежавшие из ворот, были немедленно схвачены солдатами, медные щиты двигались вперёд, как острый меч, рассекающий толпу. За восемью медными щитами первым оказался Сяо Шанли, сидящий на коне.

В темноте ночи, при свете огней, на восточном рынке повсюду виднелись следы пожара, и по обеим сторонам дороги лежали трупы. Солдаты кричали:

— Его высочество, князь Цзинчэн, здесь! Все мои подданные, немедленно падите ниц!

Пыль поднялась в воздух, волосы Сяо Шанли слегка растрепались, чешуйчатый доспех и изображение зверя сверкали так ярко, что невозможно было смотреть прямо. Его красота и сияние были в сто раз более устрашающими, чем доспех. В этой ночи он казался, словно молния, осветившая небо.

Офицеры, не сумевшие отговорить князя Цзинчэна от риска, могли только следовать за ним в качестве охраны. Однако после трёхкратного крика народ, подстрекаемый остатками мятежников, решил, что столичные войска окружили восточный рынок, чтобы уничтожить всех его жителей, и, не желая отпускать никого, вооружился палками и деревянными шестами, решив сопротивляться до конца. Но, увидев князя Цзинчэна, люди один за другим начали бросать оружие, и вскоре один за другим падали на колени, даже если их толкали и топтали, они не поднимали головы.

Сто храбрецов, нанятых князем Шоушанем, оказались застигнуты врасплох, но продолжали сражаться, бросаясь в атаку. Сяо Шанли резко произнёс:

— Те, кто не преклонит колени, будут считаться соучастниками мятежников!

В мгновение ока несколько мятежников упали, солдаты снова закричали, и даже командиры рядом с Сяо Шанли закричали:

— Если не преклоните колени, будете убиты!

На лошадях они рубили мечами, убивая всех, кто приближался.

Но в эту ночь бунта, на восточном рынке, один человек в замешательстве упал на колени, и за ним последовали другие, толпы мирных жителей падали ниц. Как будто горы и моря пришли в движение, везде, где ступали копыта, тысячи людей преклоняли колени, солдаты врывались с обеих сторон, обыскивая и сдерживая их. Центральная дорога восточного рынка была открыта для проезда коня Сяо Шанли. По обеим сторонам солдаты держали факелы, извиваясь на десятки ли, как огненный дракон, освещающий ночное небо. Эта сцена была поистине впечатляющей.

Командиры, сопровождавшие Сяо Шанли, много лет служившие в армии, никогда не видели ничего подобного, и в свете огней с тревогой подумали: неужели это знак судьбы? В это время впереди солдаты на лошадях доложили:

— Главарь схвачен!

Сяо Шанли дрожащей рукой сжал поводья, и в тот момент, когда все расслабились, его лошадь проходила мимо крепкого мужчины, который внезапно сжал зубы, бросился вперёд, выхватил копьё у солдата и, следуя приказу князя Шоушаня, изо всех сил метнул его в спину Сяо Шанли!

Генералы опомнились слишком поздно, князь Шоушань, видя, что поражение неизбежно, сдался, чтобы убить князя Цзинчэна! Несколько стрел полетели в его сторону, но было уже

поздно — Сяо Шанли оставался невозмутимым, словно заранее знал, что произойдёт, но в следующий момент стало ещё страшнее: рука мужчины, державшая копье, была отрублена по плечо, и, падая, пальцы ещё шевелились, кровь брызнула фонтаном, и он с недоверием и болью закричал:

— Ваше высочество, князь Шоушань, я подвёл вас!

Не успев закончить, он был пронзён несколькими копьями одновременно.

Только те, кто обладал острым зрением, могли заметить, что мгновением ранее вокруг появился слабый свет меча. В поисках источника этого света они видели только ночной ветер, раздувающий огни, и слышали звон оружия вокруг. Сяо Шанли остановил коня и приказал:

— Всех мирных жителей, ранивших или раненых, передать суду столичного наместника, а остатки мятежников убить на месте!

Сяо·Цзин·Троя·Елена

В эту ночь, с другой стороны, в бокалах из нефрита лилось виноградное вино, музыка лютни звала в путь. В зале с водяным фонтаном звучали изысканные мелодии, император Чу заказал исполнение «Десяти засад», играя с нефритовым бокалом и наблюдая за танцами. В длинношейей бутылке, погружённой в гору льда, находилось виноградное вино. На нефритовых ступенях, следуя его приказу, два евнуха принесли медные часы с нефритовым кувшином. Наложница Жун, с бледными, как будто вырезанными из нефрита пальцами, напоминала статую богини. Рядом с ней придворная дама не могла скрыть беспокойства, часто поглядывая на часы, капли воды падали, стрелка поднималась, указывая на третий час ночи.

<http://bllate.org/book/15272/1348106>